

Авторский лист

Константин Коровин
вспоминает*

Шаяпин. Встречи и совместная жизнь

В моих воспоминаниях о Ф.И. Шаяпине я лишь вскользь касаюсь его художественного творчества. Я хотел только рассказать о моих встречах с Ф.И. Шаяпиным в течение многих лет – воссоздать его живой образ таким, каким он являлся мне...

Шаяпин был всегда весел и остроумно передразнивал певцов русских и итальянских, изображая их движения, походку на сцене. Он совершенно точно подражал их пению. Эта тонкая карикатура была смешна.

Своей подвижностью, избытком энергии, множеством переживаний – веселье, кутежи, ссоры – он так себя утомлял, что потом засыпал на двадцать часов и разбудить его не было возможности. Особенностью его было также, что он мог постоянно есть. Он был богатырского сложения.

* Из книги: Константин Коровин вспоминает... М.: Изобразительное искусство, 1990. Составители, авторы вступительной статьи и комментариев И.С. Зильберштейн и В.А. Самков. Публикация подготовлена Е.В. Романовой. Окончание. Начало см. в № 3 за 2011 г. и № 3 за 2013 г.

Ф.И. Шаляпин в роли Ивана Грозного (Н.А. Римский-Корсаков «Псковитянка»). Париж, 1909

Я не видел Шаляпина, чтобы он когда-либо читал или учил роль. И все же – он все знал и никто так серьезно не относился к исполнению и музыке, как он. В этом была для меня какая-то неразгаданная тайна. Какой-либо романс он проглядывал один раз и уже его знал и пел.

Когда он бывал серьезно расстроен или о чем-нибудь скорбел, то делался молчалив и угрюм. Ничто не могло рассеять его дурного настроения. Он стоял у окна и стучал пальцем по стеклу или как-то рассеянно стряхивал с себя пыль или крошки со стола, которых не было.

Сначала я не понимал, что с ним происходит, и спросил однажды:

– Что с тобой?

– Как тебе сказать, – ответил он, – ты не поймешь. Я, в сущности, и объяснить как-то не могу. Понимаешь ли, как бы тебе сказать... в искусстве есть... постой, как это назвать... есть «чуть-чуть». Если это «чуть-чуть» не сделать, то нет искусства. Выходит около. Дирижеры не понимают это-

го, а потому у меня не выходит то, что я хочу... А если я хочу и не выходит, то как же? У них все верно, но не в этом дело. Машина какая-то. Вот многие артисты поют верно, стараются, на дирижера смотрят, считают такты – и скука!.. А ты знаешь ли, что есть дирижеры, которые не знают, что такое музыка. Мне скажут: сумасшедший, а я говорю истину. Труффи следит за мной, но сделать то, что я хочу, – трудно. Ведь оркестр, музыканты играют каждый день, даже по два спектакля в воскресенье, – нельзя с них и спрашивать, играют, как на балах. Опера-то и скучна. «Если, Федя, все делать, что ты хочешь, – говорит мне Труффи, – то хотя это верно, но это требует такого напряжения, что после спектакля придется лечь в больницу». В опере есть места, где нужен эффект, его ждут – возьмет ли тенор верхнее до, а остальное так, вообще. А вот это неверно.

Стараясь мне объяснить причину своей неудовлетворенности, Шаляпин много говорил и, в конце концов, сказал:

– Знаешь, я все-таки не могу объяснить. Верно я тебе говорю, а, в сущности, не то. Все не то. Это надо чувствовать. Понимаешь, все хорошо, но запаха цветка нет. Ты сам часто говоришь, когда смотришь картину, – не то. Все сделано, все написано, нарисовано – а не то. Цветок-то отсутствует. Можно уважать работу, удивляться труду, а любить нельзя. Работать, говорят, нужно. Верно. Но вот и бык, и вол трудится, работает двадцать часов, а он не артист. Артист думает всю жизнь, а работает иной раз полчаса. И выходит – если он артист. А как – неизвестно.

На репетиции Шаляпин пел вполголоса, часто останавливал дирижера, прося повторить, и, повторяя, пел полным голосом. Отбивал громко такт ногой, даже своему другу Труффи. Труффи не обижался и делал так, как хотел Шаляпин. Но говорил мне, смеясь:

– Этот Черт Иваныч Шаляпин – таланта огромная. Но он постоянно меняет, и всегда хорошо. Другая дирижер палочка бросит и уйдет. Но я его люблю, понимаю, какая это артист. Он чувствует музыку и понимает, что хотел композитор. Как он поет Лепорелло Моцарта. А Даргомыжского. Я, когда дирижирую, – плачу, удивляюсь и наслаждаюсь. Но я так устаю. Он требует особого внимания. Это такая великая артист...

Частная опера

Сезон в Частной опере в Москве, в театре Мамонтова, открылся оперой «Псковитянка» Римского-Корсакова.

Я, помню, измерил рост Шаляпина и сделал дверь в декорации нарочно меньше его роста, что-

бы он вошел в палату наклоненный и здесь выпрямился, с фразой:

– Ну, здравия желаю вам, князь Юрий, мужиковичи, присесть позволите.

Так он казался еще огромнее, чем был на самом деле. На нем была длинная и тяжелая кольчуга из кованого серебра. Эту кольчугу, очень древнюю, я купил на Кавказе у старшины хевсур. Она плотно облегла богатырские плечи и грудь Шаляпина. И костюм Грозного сделал Шаляпину тоже я.

Шаляпин в Грозном был изумителен. Как бы вполне обрел себя в образе сурового русского царя, как бы приял в себя его беспокойную душу. Шаляпина не было на сцене, был оживший Грозный.

В публике говорили:

– Жуткий образ...

Таков же он был и в «Борисе Годунове»...

Помню первое впечатление.

Я слушал, как Шаляпин пел Бориса, из ложи Теляковского. Это было совершенно и восхитительно.

В антракте я пошел за кулисы. Шаляпин стоял в бармах Бориса. Я подошел к нему и сказал:

– Ну, знаешь ли, сегодня ты в ударе.

– Сегодня, – сказал Шаляпин, – понимаешь ли, я почувствовал, что я в самом деле Борис. Ей-богу! Не с ума ли я сошел?

– Не знаю, – ответил я. – Но только сходи с ума почаще...

Публика была потрясена. Вызовам, крикам и аплодисментам не было конца. Артисты это называют «войти в роль». Но Шаляпин больше, чем входил в роль, – он поистине перевоплощался. В этом была тайна его души, его гения.

Когда я в ложе рассказал Теляковскому, что Шаляпин сегодня вообразил себя подлинным Борисом, тот ответил:

– Да, он изумителен сегодня. Но причина, кажется, другая. Сегодня он поссорился с Купером, с парикмахером, с хором, а после ссор он поет всегда, как бы утверждая свое величие... Во многом он прав. Ведь он в понимании музыки выше всех здесь.

Спектакль в честь Лубе

В Петербург приехал президент Французской Республики Лубе.

Весной, в Китайском театре в Царском Селе, был назначен парадный спектакль. Я делал декорации для акта «Фонтаны» из балета «Конек-Горбунок», оперы «Фауст» – «Сад Маргариты», а также для сцены «Смерть Бориса», в которой участвовал Шаляпин.

Подошел вечер спектакля. Шаляпин одевался и гримировался Борисом. Режиссеры волновались, как бы не опоздал. <...>

– Начинайте, начинайте, – говорил Шаляпин.

В это время в уборную к нему зашел великий князь Владимир Александрович.

К.А. Коровин. Торговая площадь в Град-столице. Эскиз декораций к балету Ц. Пуни «Конек-Горбунок». 1901

Сев против гримировавшегося Шаляпина, он спросил его:

– Ну как? Что-нибудь новое учите?

– Некогда, ваше императорское высочество, – ответил Шаляпин. – Некогда.

– А что же?

– У меня француженка, ваше высочество, и какая! Что учить? Когда учить? Все равно все забудешь... Какая француженка! Вы поймете...

– А, а! – засмеялся басом великий князь. – Что же, все может быть. И давно это с вами случилось?

– На днях.

– Федор Иванович, – говорил оробелый режиссер, – увертюра кончается, ваш выход.

– Я слышу, – сказал Шаляпин и быстро поднялся.

Я вышел с ним на сцену. У выходной двери, сзади декораций Боярской думы, режиссер, державший дверь, чтобы выпустить в нужный момент Шаляпина, следил по клавиру. Шаляпин, стоя около меня, разговаривал с балетной танцовщицей:

– Господи, если бы я не был женат... Вы так прекрасны! Но это все равно, моя дорогая...

Тут режиссер открыл дверь, и Шаляпин, мгновенно приняв облик обреченного царя, шагнул в дверь со словами:

– Чур, чур, дитя, не я твой лиходей...

В голосе его зазвучала трагедия.

Я удивился его опыту и этой невероятной уверенности в себе. Он был поразителен <...>.

* * *

<...> – Поверь мне, я терпеть не могу славы. Я даже не знаю, как мне говорить с разными встречными людьми. С трудом придумываю – что сказать. Вот ты можешь. Я удивляюсь. В деревне с мужиками, с охотниками любишь жить, разговаривать. Я же не могу. И как устаешь от этой всей ерунды! Им кажется, что очень легко петь, раз есть голос. Спел – и Шаляпин. А я беру за это большие деньги. Это не нравится... И каждый раз, когда я пою, я точно держу экзамен. Иду как бы на штурм, на врагов. И нелегко мне даются эти победы... Они и я – разные люди. Они любят слушать пение, смотреть картины, но артиста у нас не любят, как не любят и поэтов. Пушкина дали убить. А ведь это был Пушкин!.. В ресторане выпил рюмку водки, возмущаются: «Пьет. Певец пить не должен». В чем дело? Ты всегда не такой, как им хочется. Получает много. А я за концерт назначил вдвое – бранились, но пришли. На «Демона» в бенефис еще поднял цены – жалею, что не вдвое, ошибся. Все равно было бы полно...

* * *

Не было дома в Москве, где бы не говорили о Шаляпине. Ему приписывали самые невероятные скандалы, которых не было, и выставляли его в неприглядном виде. Но стоило ему показаться на сцене – он побеждал. Восторгу и вызовам не было конца.

В бенефис оркестра, когда впервые должен был идти «Дон Карлос» Верди, знатоки и теоретики говорили:

– Шаляпин провалится.

В частности, и у Юрия Сахновского, когда он говорил о предстоящем спектакле, злой огонек светился в глазах. А когда я встретил его в буфете театра после второго акта и спросил:

– Ну что же, как вы, критики, скажете?

Он ответил:

– Ну что скажешь... Ничего не скажешь... Силища!..

В чем была тайна шаляпинского обаяния? Соединение музыкальности, искусства пения с чудесным постижением творимого образа.

Дом в деревне

В России Шаляпин купил лесное имение на речке Нерли. Сначала просил меня, чтобы я уступил ему мой дом. Хотел жить, как я, – в деревне. И я, по просьбе Теляковского, уже готов был согласиться, но оказалось, что дом мой мал.

Тогда я сделал для Шаляпина проект большого дома. Серов, взглянув на него, с улыбкой сказал:

– Строить хотите терем высокий?

– Да, – ответил я, – «на вершине крутой горы знаменитый жил боярин, по прозванию Карачун».

Место, где строился дом Шаляпина по моему проекту, называлось Ратухино. Строил его архитектор Мазырин, по прозвищу Анчутка. Шаляпин принимал горячее участие в постройке, и они с Мазыриным сочинили без меня конюшни, коровники, сенной сарай, огромные, скучные строения, которые Серов назвал «слоновники». Потом прорубали лес, чтобы открыть вид.

Над рекой построили помост для рыбной ловли, огромную купальню. Походную палатку заказали вдвое больше, чем у меня, – и в день открытия дачи позвали московских гостей – друзей.

Новый дом пахнул сосной.

Приятель Федора Ивановича Петруша Кознов, здороваясь ласково с гостями, каждому на ухо говорил:

– Не пью.

За обедом были пельмени, но не удалась. Федор Иванович огорчился и стукнул по столу кулаком. Вся посуда на большом столе подпрыгнула

кверху и, брякнувшись обратно на стол, – разбилась.

Шаляпин приказал выкатить бочки с пивом для собравшихся на праздник крестьян окрестных деревень. Пили водку, пиво, была колбаса, пироги, копченая тарань.

Федор Иванович стал говорить мужикам речь. Те кричали «ура», но речь не слушали, – было пьяным-пьяно. Вдобавок набежали тучи, разразилась гроза, проливной дождь, и с потолка дачи в столовой протекла вода.

Архитектор Анчутка, не проложивший деревянную крышу толем, захватил чемодан и убежал от греха на станцию. Федор Иванович в сердцах послал за ним вдогонку верховых, но тот где-то спрятался. Шаляпин так рассердился, что сказал мне и Серову:

– Едем в Москву.

– А как же гости-то?

– Едем!

И мы уехали в Москву.

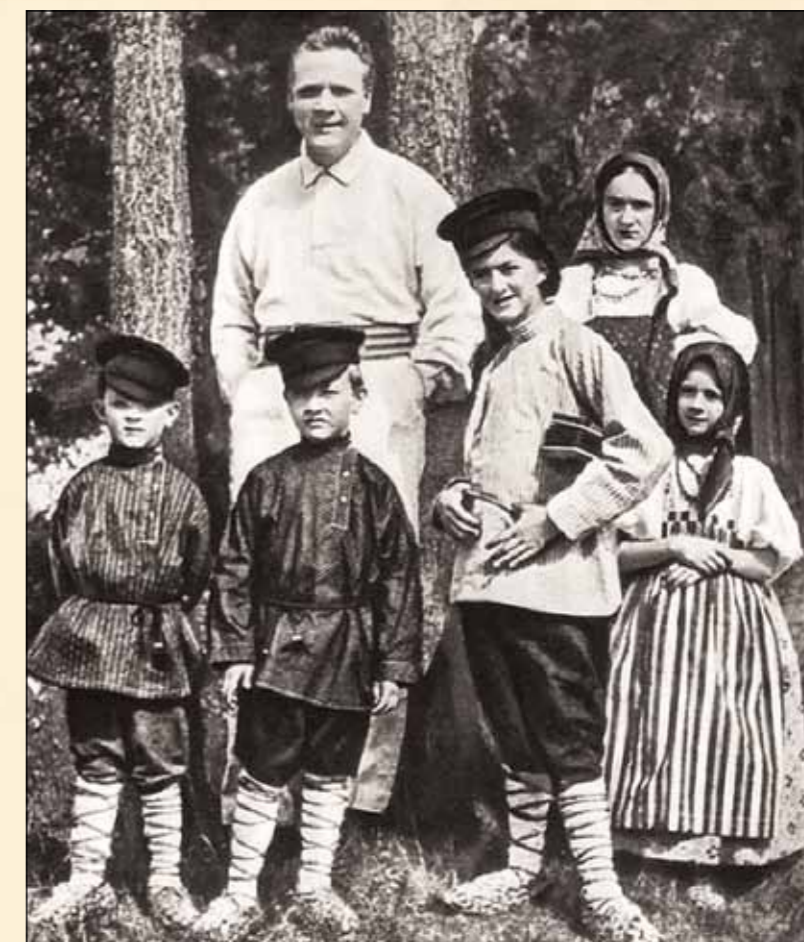
Странный концерт

Разговорившись, Шаляпин поведал мне о своем блистательном турне по Америке, где заработал большие деньги.

Мне запомнился его рассказ о южноамериканских нравах:

– Мне предложили петь у какого-то короля цирков на званом обеде. Я согласился и спросил десять тысяч долларов. Меня привезли на яхте к пустынному берегу. Была страшная жара. На берегу, недалеко от моря, дом каменный стоял с белой крышей – скучный дом, вроде фабрики. Кругом дома росли ровные пальмы. Какие-то неестественные, ярко-зеленые. Меня встретили на пароходе четверо слуг и два негра, которые несли мои вещи. Дом был пустой. Мне отвели комнату в верхнем этаже. Я умылся с дороги, принял ванну. Пил какой-то мусс. Вышел на балкон и достал рукой ветку пальмы. Представь себе – она была сделана из железа и выкрашена зеленой краской.

Через час подошел пароход с хозяином и гостями. Обед был сервирован в нижнем огромном зале. Суетилась приехавшая на пароходе прислуга; с пароходом доставили весь обед. Я смотрел с балкона на всю эту суету. Меня ни с кем не познакомили. Через несколько мгновений ко мне пришел человек во фраке, вроде негра, и сказал: «Пожалуйста петь». Я пошел за ним. В зале меня уже ждал

Ф.И. Шаляпин в деревне Ратухино с детьми Федором, Борисом, Лидией, Ириной и Татьяной. 1912

великолепный пианист. Он знал мой репертуар. Я встал около рояля. Люди в зале обедали, громко беседуя и не обращая на меня внимания. Пианист мне сказал: «Начинаем». В эту минуту ко мне подошел какой-то человек. В руках у него был поднос, на котором лежали доллары. Я их взял. Он просил сосчитать деньги и расписаться в получении. Я положил деньги в карман, пианист снова сказал: «Начинаем». И я стал петь. Никаких аплодисментов. Когда я спел почти весь репертуар, назначенный мной, гости встали из-за стола, вышли из зала и отправились на пароход. Так я и не видел того, кто меня пригласил. И никто со мной не простился. Даже пианист не зашел ко мне в комнату и не пожал мне руку на прощанье. Он уехал с ними. Негры собрали мои вещи, взяли чемоданы и проводили до яхты. Я один возвращался обратно. Как это непохоже на Россию...

* * *

Прожив полжизни с Федором Ивановичем Шаляпиным и видя его часто, я всегда поражался его удивительному постижению каждого создаваемого образа... Он никогда не говорил заранее даже

друзьям, как он будет петь и играть ту или иную роль. На репетициях никогда не играл, пел вполголоса, а иногда и пропускал отдельные места. И уже только на сцене потрясал зрителя новым гениальным воплощением и мощным тембром своего единственного голоса.

С каким удивлением смотрели на него иностранные певцы! Сальвини слушал Шаляпина, и на лице его было восторженное внимание. Его смотрели и слушали с удивлением, как чудо. И он был и впрямь чудо-артист.

Однажды, когда я удивлялся его исполнению, он мне сказал:

– Я не знаю, в чем дело. Просто, когда пою Варлаама, я ощущаю, что я Варлаам, когда Фарлафа, что я Фарлаф, когда Дон Кихота, что я Дон Кихот. Я просто забываю себя. Вот и все. И владею собой на сцене. Я, конечно, волнуясь, но слышу музыку, как она льется. Я никогда не смотрю на дирижера, никогда не жду режиссера, чтобы меня выпустил. Я выхожу сам, когда нужно. Мне не нужно указывать, когда нужно вступить. Я сам слышу.

Ф.И. Шаляпин и С.В. Рахманинов.
Начало 1890-х гг.

Весь оркестр слышу – замечаю, как отстал фангот или альт... Музыку надо чувствовать!.. Когда я пою, то я сам слушаю себя. Хочу, чтобы понравилось самому. И если я себе нравлюсь – значит пел хорошо. Ты знаешь ли, я даже забываю, что пою перед публикой. Никакой тут тайны нет. Хотя, пожалуй, некоторая и есть: нужно любить и верить в то, что делаешь. В то нечто, что и есть искусство... Я не был в консерватории. Пел с бродячими певчими, ходил пешком по селам. Узнавали, где приходской праздник, туда и шли петь. Усатов мне помог. Он учил меня ритму. Я совру, а он меня по башке ногами! – отбивает такт. Задаю, он меня учил. Я ему за это самовар ставил, чистил сапоги, в лавочку бегал за папиросами. Рахманинов тоже мне помог. Он серьезный музыкант. Понимает. Завратся не дает... И вы, художники, мне тоже помогли. Только эти все знания надо в кармане иметь, а петь надо любя, как художник – по интуиции. В сущности, объяснить точно, отчего у меня выходит как-то по-другому, чем у всех, я не могу. Артиста сделать нельзя – он сам делается. Я никогда и не думал, что буду артистом. Это как-то само собой вышло. Не заходи певчие, с которыми я убежал, к отцу на праздник, то я никогда бы и не пел...

* * *

<...> Меня, в сущности, никто не понимает. Дирижеры – первые. В опере есть музыка и голос певца, но еще есть фраза и ее смысл. Для меня фраза – главное. Я ее окрыляю музыкой. Я придаю значение словам, которые пою, а другим все равно. Поют, точно на неизвестном языке. Показывают, видите ли, голос. Дирижер доволен. Ему все равно тоже, какие слова. В чем же дело? Получается скука. А они не хотят понять. Надоело... Вот Рахманинов – это дирижер. Он это понимает. Вот я выстукиваю иногда такт. Ты думаешь, что это мне приятно? Я вынужден. Иначе ничего не выходит. А говорят – я придираюсь. Я пою и страдаю. В искусстве – нет места скуке. А оперу часто слушают и скучают. Жуют конфеты в ложе, разговаривают. Небось, когда я пою, перестают конфеты жрать, слушают меня. Ты знаешь, кто еще понимал искусство? Савва Мамонтов. Это был замечательный человек. Он ведь и пел хорошо. И ты помнишь – как его? Врубель был такой.

– А ты с милым Мишей Врубелем поссорился.

– Он же был этаким барин, капризный. Все, что ни скажу, все ему не нравилось. Он мне сказал: «Вы же не певец, а передвижная выставка, вас заела тенденция. Поете “Блоху”, “Как король шел на войну” – кому-то нравится хотите. В искусстве не надо пропаганды». Вообще, сказать тебе должен, что я его не понимал и картины его не пони-

К.А. Коровин. Портрет С. Мамонтова
в театральном костюме. Середина 1880-х гг.

мал. Хотя иллюстрация к «Демону» – замечательная. Странно, я раз сказал ему, что мне нравится его «Демон», которого он писал у Мамонтова, такой, с рыжими крыльями. А он мне ответил: «Вам нравится – значит плохо». Вот, не угодно ли? Савва Мамонтов его тоже не понимал... А то за обедом: после рыбы я налил красного вина. Врубель сидел рядом... У Мамонтова был обед, еще Витте тогда был за столом. Он вдруг отнял у меня красное вино и налил мне белого. И сказал: «В Англии вас бы никогда не сделали лордом. Надо уметь есть и пить, а не быть коровой. С вами сидеть неприятно рядом». Ведь это что ж такое? Но он был прав, я теперь только это понял. Да, Врубель был барин...

– Да ведь ты сам сейчас барин стал. Украшаешь себя и вина любишь дорогие.

– Нет, я не барин. Скажу тебе правду – в России я бы бросил петь и уехал бы в Ратухино, ходил бы косить и жил бы мужиком. Ведь я до сих пор по паспорту крестьянин – податное сословие. И все дети мои крестьяне <...>.

Последняя встреча

В Париже Шаляпин, прощаясь со мной, сказал: – Ну, прощай. Ты где живешь? На Балчуге? Ах, я и забыл, что мы не в Москве, – как чудно!

Когда я вижу тебя, я всегда живу душой в России. Я к тебе зайду. Это у Порт Сен-Клу...

Кажется, в конце февраля, выходя из дому, я увидел на дворе, возле консьержа, Шаляпина.

– Ах, вот ты! – сказал он. – Пойдем в кафе.

Он шел усталой походкой.

– Я что-то захворал, – сказал он. – Как-то здесь тяжело, – показал он на грудь, – вроде как камень лежит. Это началось там, в Китае. Я ведь в Китай ездил. В сущности, зачем я ездил – не знаю.

Вид у Шаляпина был очень больной. И он все вздыхал.

– Борис и Федор в Америке, – сказал он про сыновей. – Тебе они не пишут?

– Борис не пишет, а Федя – молодец. Ты знаешь, он играл в пьесе «Товарищ» главную роль, этого князя, который поступил лакеем. Играл на английском языке, и о нем превосходно написали.

– Да что ты? А я и не знал. Я все удивляюсь, отчего они все хотят быть артистами. Дочери мои... Отчего не просто так, людьми, как все? Ведь в жизни артиста много горя.

Он вздохнул.

– Ты знаешь ли, мне не очень хорошо здесь, – он вновь показал на грудь. – Я пойду.

Мы вышли из кафе и подошли к спуску в метро.

– Возьми автомобиль, – сказал я.

– Зачем автомобиль? Ведь это огромные деньги.

И он спустился в метро. Во всей фигуре его был какой-то надлом.

Я долго не мог уснуть в эту ночь. Образ больного Шаляпина стоял передо мной.

Проходила в воспоминаниях прошлая жизнь. Я видел его там, в России, когда он спал в моей деревенской мастерской на широкой тахте. Около него спал Феб — моя собака, которая нежно любила Шаляпина. Собаки вообще любят веселых друзей. Их радует дружба людей. Помню, глядя на спящего Шаляпина, я подумал: «А ведь это гений...» Как сладко спал этот русский парень – Федор Шаляпин...

Живя много в России в деревнях, я встречал не раз парней деревенских. В их смехе, удали, веселье, разгуле было то же, что в Шаляпине.

Помню, когда я строил дом, один из плотников, молодой парень высокого роста, вечером после работы сорвал ветку березы и ходил взад и вперед около сарая, отмахиваясь веткой от комаров. Ходил и пел. И лицо было задумчиво так же, как у Шаляпина. Он пел про Дунай, про сад, про горе-горюшко. И видно было, что он где-то там, где Дунай и где горе-горюшко...

Я долго смотрел на него. У него был дивный голос – тенор. И я подумал: говорят, что больше не будет такого артиста, как Шаляпин. Но так ли это?.. Может быть, и родится. Но будет ли та сре-

К.А. Коровин. Начало 1930-х гг.

да, которая поможет любовью и вниманием создаться артисту?

Помню, когда пришел В.А. Серов, я сказал ему:

– Посмотри, как спит Федор, лицо какое серьезное. И во сне даже Грозный. Лицо гения, посмотри.

– Пожалуй, – ответил Серов, – есть в нем дар и полет, но все это перемешано со всячинкой... Давеча пишу я здесь с краю у леса, где сарайчик. А он подошел ко мне и сел. И вдруг говорит: «Вот здесь все леса и леса, есть крупный лес. Я хочу скупить леса и торговать. Ты как думаешь, Антон?» – «Что ж, – говорю, – как вашей милости угодно. Торгуйте». – «Да ты не смейся. На лесе-то побольше наживешь, чем на пении». Вот ты и возьми! Как это у него все вместе перепутывается.

* * *

<...> Я всегда любил Федю. Он был живой отец. Увидав мою собаку Тобика, который в радости прыгал около него, держа в зубах мячик, Федя тут же стал играть с ним. Бегал, вертелся. Как он был похож на отца! В некоторых поворотах лица, в жестах...

Мы разговорились о его отце...

– Когда я уезжал в Америку, – сказал между прочим он, – отец мне говорил, что он бросит петь и выступит в драматических спектаклях в пьесах Шекспира «Макбет» и «Король Лир».

– Твой отец был редчайший артист. Его влекли все области искусства. Он не мог видеть карандаша, чтобы сейчас же не начать рисовать. Где попало – на скатертях в ресторанах, на меню, карикатуры, меня рисовал, Павла Тучкова. Декламировал и даже выступил в одном из симфонических концертов Филармонии в Москве, в «Манфреде» Шумана...

Восхищался Сальвини. Любил клоунов в цирке и, в особенности, Анатолия Дурова... Как-то раз позвал меня на сцену Большого театра и читал мне со сцены «Скупого рыцаря». Увлекался скульптурой и целые дни лепил себя, смотря в зеркало. Брал краски и писал чертей, как-то особенно заворачивая у них хвосты. Причем бывал всецело поглощен своей работой: во время писания чертей держал язык высунутым в сторону. Ужасно старался. Показывал Серову. Тот говорил: «А черта-то нету». Когда приходил ко мне в декоративную мастерскую, то просил меня: «Дай мне хоть собаку пописать». Брал большую кисть и мазал, набирая много краски... Какой был веселый человек твой отец и как изменился его характер к концу жизни... Это началось еще в России. <...> А за границей он чувствовал себя оторванным от родной страны, которую он очень любил.

Октябрь

Государь отрекся. В управление страной вступило Временное правительство. Назначались выборы в Учредительное собрание. Вся Россия волновалась. Везде были митинги, говорили без конца.

Шаляпин пришел ко мне взволнованный.

– Ерунда какая-то идет. Никто же ничего не делает. Теляковского уже нет. Почему, в сущности, он уволен? Управляющий – Собинов! Меня удивляет, зачем он пошел? Он артист. Управление театрами! Это не наше дело. Хора поет половина. В чем дело вообще? Я не понимаю. Революция. Это улучшение, а выходит ухудшение. Молока нельзя достать. Почему я должен петь матросам, конным матросам? Разве где-нибудь есть конные матросы? Вообще, знаешь ли, обалдение.

– Ты же раньше жаловался, Федя, что «в этой стране жить нельзя», а теперь недоволен.

– То есть, позволь, но ведь это не то, что нужно...

– Вот-вот, каждый теперь говорит, что все не так, как бы он хотел. Как же всех удовлетворить?

